

ГЕРМАНИЯ: ВОПЛОЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕЧТЫ

В начале XIX в. Германия продолжала оставаться разрозненным конгломератом государств, распад Священной Римской империи в 1806 г. лишь оформил юридически реальное положение вещей. В 1815 г. на Венском конгрессе был создан Германский союз, объединивший 37 (позднее 34) самостоятельных монархий и 4 вольных города. Членами союза оказались монархи Англии, Дании и Нидерландов как государи некоторых германских государств, в то же время часть австрийских владений с преимущественно негерманским населением в союз не вошла. Союз был конфедерацией самостоятельных государств, не имеющих прочных внутренних связей, что не позволило ему реализовать объединительную тенденцию. Население Германского союза насчитывало чуть менее 30,5 млн человек, самой развитой в экономическом отношении была Пруссия, которая в наиболее полной мере воспользовалась плодами индустриализации, толчком к которой послужили прусские реформы 1807–1822 гг. Созданный Пруссией в 1834 г. Таможенный союз (420,3 тыс. кв. км, 23,4 млн человек), снятие таможенных границ, строительство многочисленных судоходных каналов, формирование Рурского и Верхнесилезского промышленных районов, строительство (с середины 1830-х годов) железных дорог стали экономической основой для дальнейшего объединения страны.

Всю историю Германии в XIX в. можно рассматривать как историю развития национальной идеи от ее зарождения в конце XVIII – начале XIX в. и до реализации национальных целей – создания единого германского государства в 1871 г. Причем следует помнить, что на этом процесс становления нации не закончился, а вступил в новый этап – создание властями единой нации в рамках уже существующей Германской империи.

Истории формирования нации в Германии посвящена огромная литература, исследователей эта проблема стала занимать уже во второй половине XIX в., и интерес к ней не утрачен вплоть до сегодняшнего дня. Сложность вопроса обусловлена самой историей страны. Существование с 962 г. и до начала XIX в. Священной Римской империи как конгломерата государств создало на германских землях уникальную ситуацию, которая наложила свой отпечаток на все их дальнейшее развитие. Дело в том, что в конечном счете победившая идея общегерманского единства должна была пробивать себе путь в условиях существования десятков суверенных государств, немецкоговорящее население которых выступало по отношению к внешнему окружению как самостоятельные общности. В связи с этим следует сказать, что мы будем иметь в виду, говоря о «нации».

Современный немецкий исследователь О. Данн в своей работе «Нации и национализм в Германии 1770–1990» отмечает, что понятие нации прочно вошло в политический лексикон со времен Французской революции в качестве определения социальной основы государственности, носителя политическо-

го суверенитета. Одним из наиболее распространенных и общепризнанных определений нации применительно к Западной Европе на сегодняшний день является следующее: «нации – это сообщества, которые объединяют общие исторические корни и общие политические интересы. Они воспринимают себя как солидарную общность, так как она основывается на правовом равенстве своих членов. Нации всегда привязаны к конкретной территории. Важной их особенностью является то, что на своей территории они сами несут ответственность за регулирование взаимоотношений, т. е. устанавливают свое политическое самоуправление (суверенитет), иначе говоря, образуют собственное государство. Единство наций основано на консенсусе относительно политического устройства и культуры».

Данное определение нации совершенно ясно указывает на то, что ее наличие вовсе не является изначальной данностью, а может сформироваться (или не сформироваться) только на определенной ступени исторического развития, так как для того, чтобы считать ту или иную социальную общность нацией, необходимо присутствие у нее целого ряда основополагающих признаков, главными из которых, с нашей точки зрения, являются наличие национального самосознания и государства, которое она считает своим. Важно учитывать и то обстоятельство, что сознание национальной идентичности не может синхронно сформироваться у всех слоев общества. Лидирующую роль всегда берет на себя та или иная группа (класс, сословие), обеспечивая не только руководство национальным движением, но и теоретическое обоснование целей движения и своей главенствующей роли в нем. Далеко не всегда такой лидирующей силой становится актуальная политическая элита, это могут быть и слои, добившиеся ведущего положения в экономике и стремящиеся к политической эмансипации (буржуазия и средний класс в XIX в.), или широкие народные массы, пришедшие в политику в благоприятных условиях, например на гребне Освободительной войны начала XIX в.

Процесс образования нации в Германии берет свое начало в истории Священной Римской империи, которая с XV в. получила официальное название Священной Римской империи *германской нации*. Представляется, что в данном контексте под германской (имперской) нацией понимается *нация князей*, т.е. политическая элита империи, объединенная под эгидой императора (избрание которого, а соответственно и вся деятельность в значительной степени зависели от тех же князей) и связанная сформировавшимся единым самосознанием. Князья, заинтересованные в сохранении существующей внутренней структуры империи, выступали гарантами ее консервации, не давая возможности для ее трансформации в единое унитарное государство. Именно в этот период сложилась дуалистическая система, в определенной степени характерная даже для современной Германии, – формирование земельного и одновременно общегерманского (имперского) самосознания, а затем и патриотизма. В разные периоды германской истории на первый план выходил то один, то другой фактор (наличие общего внешнего или внутриимперского врага, расцвет или упадок культуры, формирование немецкого языка и т.д.), при этом, с нашей точки зрения, внутриземельные связи были всегда сильнее, чем «общегерманские». Показательно в этом отношении постепенное «выделение», обособление австрийских земель из состава импе-

рии, несмотря на то что с середины XV в. Габсбурги почти без перерывов занимали имперский престол.

Ситуация в других германских княжествах была еще более острой, не последнюю роль в укреплении центробежных тенденций сыграла Реформация и последующий церковный раскол. Часть подданных империи воспринимала папскую власть как силу, враждебную Германии, что было абсолютно неприемлемо для другой ее части. Всерьез говорить о формировании нации в современном понимании этого слова при наличии такого количества факторов, разделяющих жителей страны (отсутствие единого государства и полной свободы передвижения, внутренние границы, а кроме этого еще и разница (и даже враждебность) конфессий, календарей и т.д.), не приходится. Надо отметить, что уже сложившейся к XVI в. «нации князей» Реформация Лютера нанесла серьезный удар, лишив их одного из основных объединяющих факторов – религиозного.

Что же собственно оставалось в качестве интегрирующего фактора, который мог поддерживать и укреплять чувство «надземельной», «германской» идентичности. В роли такого фактора выступили прежде всего язык и связанная с ним культура (здесь как раз очень большую роль сыграл Лютер, переведя на немецкий язык Библию и создав тем самым литературный образец на основе верхненемецкого диалекта, а существующее к этому времени книгопечатание позволило достаточно быстрыми темпами распространять любое знание, в том числе и литературное). В период острого кризиса и окончательного распада империи (1789–1806) начинает утверждаться отличное от французского/западноевропейского понимание нации. Многие мыслители, в том числе Ф. Шиллер, И.Г. Фихте, стали определять немецкую нацию через понятие общей культуры, прежде всего литературного языка, а не общность истории и государства. Понятие «Kulturnation», которое не совсем точно переводится на русский язык как «культурная нация», утвердилось только на рубеже XIX–XX вв., в частности в работах Ф. Мейнеке, который говорил о «немецкой культурной нации», противопоставляя ее «государственным нациям» (например, французской или английской). Этот подход был обусловлен стремлением обосновать нераздельную общность немецкого народа, вернее людей, пользующихся одним литературным языком. При этом почти всегда идея языковой общности дополнялась пропагандой этнического или расового единства¹, что в дальнейшем стало одним из идеологических обоснований великогерманских политических притязаний².

В XVIII в. под влиянием Просвещения в Германии сформировалась особая группа интеллектуалов, в которую входили в том числе Гёте, Шеллинг, Кант, Фихте, Гердер, Шиллер и др. Начало ей положили Ф.Г. Клопшток и Г.Э. Лессинг, затем писатели, входившие в кружок «Буря и натиск». Его программа национального развития строилась на стремлении к достижению национального суверенитета, основанного на культурно-языковом и социально-политическом саморазвитии народа.

¹ Такая трактовка нации получила широкое распространение у лишенных собственной государственности восточноевропейских народов.

² Поэтому современные немецкие авторы активно отказываются от обозначения немецкой нации как «культурной», стараясь избегать любых аналогий с «великогерманской риторикой».

Движение немецких интеллектуалов, впервые заявившее о себе в конце XVIII в., было в значительной степени «литературным движением», основной отличительной чертой которого стал национальный и даже народный германский пафос. Для представителей этого движения (Штольберга, Клопштока и др.) был характерен новый немецкий (германский) патриотизм, пришедший на смену земельному (локальному) патриотизму, что выразилось в том числе в создании различных германских патриотических и научных обществ (например, Гердер разработал проект создания Института духовного единства Германии). Движение интеллектуалов стало результатом и показателем эмансипации третьего сословия, неаристократических слоев населения, до сего времени не бравших на себя решение общенациональных задач (в предыдущие периоды патриотизм был исключительно дворянским явлением, связанным с военной обязанностью по защите Отечества этой социальной группой).

Это движение на собственно немецкой почве подготовило следующий этап развития европейской национальной идеи, ставший следствием Великой Французской революции. Ее лозунги и идеи (в определенной степени впервые провозглашенные и примененные на практике на американском континенте в ходе Войны за независимость США) подтолкнули и немцев к тому, чтобы сформулировать новые принципы национального строительства, основанные на постулатах современной *демократической нации*. Эти принципы в своей основе имели отказ от старого сословного общества, превращение подданных в граждан, провозглашение равенства всех граждан, суверенитет народа как основы государственной жизни и право наций на самоопределение на «населенных ими территориях».

Французская революция, будучи также и национальным движением, способствовала внедрению в представления жителей других государств, в том числе немецких, образец централистского, унитарного государства всех его граждан, которые и стали собственно нацией. Однако вскоре стало очевидно, в том числе и на примере Германии, что такая модель является только одной из возможных.

Конец XVIII в. и первые полтора десятилетия XIX в. стали временем, когда французский фактор (вначале революция, а затем политика Наполеона Бонапарта) определяли всю историю Европы. Огромное влияние на состояние общества во всех германских государствах оказали войны вначале с революционной, а затем с наполеоновской Францией, которые велись с 1792 г. Поражения при Вальми и Жемаппе и установление французской гегемонии на большей части Германии привели к закреплению существовавших региональных различий. После 1795 г. вся Рейнская область была присоединена к Франции и разделена на 4 департамента, на ее территории был введен кодекс Наполеона. Германские князья, потерявшие свои земли, для решения проблемы компенсации обратились к внешней силе и выбрали в качестве арбитра первого консула Французской республики Наполеона. Под его влиянием было составлено «Итоговое заключение имперской комиссии» имперского сейма, согласно которому в 1803–1806 гг. была проведена так называемая медиатизация – уничтожены 112 из 299 мелких германских государств, а из оставшихся были сформированы около 40 государств средней величины. В качестве компенсации за утерянные прирейнские земли Пруссия получила

территории внутри империи, почти в 5 раз превосходившие по площади ее потери. Все эти меры, несмотря на их объективную прогрессивность, свидетельствовали о слабости собственной власти германских государей и фактической утере ими на этом этапе государственного суверенитета. Население западных областей, оказавшееся под прямым французским управлением, восприняло это как прогрессивный шаг. Создание под эгидой Наполеона в июле 1806 г. Рейнского союза стало концом Священной Римской империи *de jure*. Но исчезнув с политической карты, германская империя сразу же превратилась в символ единства немцев и цель политики.

В этот период получают новое развитие сосуществовавшие ранее тенденции «двух уровней» национализма и патриотизма – «земельного» и общегерманского (имперского), притом, казалось бы, распад империи должен был оставить только один – земельный уровень. Но общая антинаполеоновская борьба, объединившая все слои германского общества, и что особенно важно, представителей интеллектуальной элиты, которые на следующем этапе возьмут на себя реализацию национальных целей, отодвинули на второй план представителей старой имперской нации. Несомненный интерес для исследователей проблемы национального развития Германии в XIX в. представляет в этой связи позиция правящих домов и высшего чиновничества, так как их роль в национальном строительстве в начале века была далеко не однозначной.

После 1795 г. Пруссия, занятая польскими делами, 11 лет не участвовала в антифранцузских коалициях. По второму (1793) и третьему (1795) разделам Речи Посполитой к Пруссии отошли Данциг (Гданьск), Торн (Торунь), Позен (Познань), основная часть Подляшья и Мазовии с Варшавой. За эти годы прусскому государству, с одной стороны, удалось значительно расширить свои владения, но с другой – оно утратило прежний престиж и силу позиций в переговорном процессе. Эти соображения, а также усиление французского влияния на всей территории Германии заставили Пруссию вступить в 4-ю антинаполеоновскую коалицию и начать войну против Франции. Молниеносный разгром пруссаков под Йеной и Ауэрштедтом, а затем оккупация Берлина и значительной части Пруссии показали, что армия, созданная Фридрихом Великим, не конкурентоспособна в современной войне. Окончательно судьбу Пруссии решил мир в Тильзите (1807). Прусское королевство сохранилось на политической карте Европы исключительно благодаря настоянию русского императора Александра I, однако в его составе осталась только Восточная Пруссия, Померания, Бранденбург и Силезия (менее 1/2 территории). Парижская конвенция 1808 г. определяла, что оккупация Пруссии (157 тыс. иностранных солдат) должна будет сохраняться до тех пор, пока ею не будет уплачена огромная контрибуция (140 млн франков), а численность прусской армии не должна превышать 42 тыс. человек. Тильзитский мир стал вершиной не только карьеры и могущества Наполеона, но и разгрома и унижения Пруссии, а также поворотным пунктом в ее истории.

Поражение армии убедило власти в Берлине в необходимости проведения широкомасштабных реформ, инициатива и определение общего направления которых принадлежали высшему прусскому чиновничеству под руководством в 1807 г. Г. фон Штейна, а затем вплоть до 1822 г. – К.А. Гарденберга. В результате аграрной реформы 1807–1811 гг. была отменена личная

зависимость крестьян и установлены порядок и размеры выкупа земли и повинностей. Муниципальная реформа (1808) ввела ограниченное самоуправление в городах, в том же году были созданы 5 министерств современного типа и введена должность обер-президента в каждой провинции. В 1810–1811 гг. произошла ликвидация средневековой цеховой системы и введена свобода предпринимательской деятельности. В 1807–1814 гг. в ходе военной реформы, имевшей особенно ярко выраженную национальную окраску, произошла демократизация армии (отменена привилегия дворянства на занятие офицерских должностей), введена крюмперская система, вскоре переросшая во всеобщую воинскую повинность, и создан ландвер (своего рода народное ополчение). В 1812 г. образование стало всеобщим и государственным, а в ходе финансовой реформы проведена еще одна секуляризация и модернизирована система налогообложения.

В большинстве германских государств в этот период также были проведены реформы, в ходе которых была создана эффективная централизованная система управления и введено государственное регулирование. Уничтожены сословно-корпоративные привилегии, декларированы равенство граждан перед законом, гарантии безопасности и собственности, равное налогообложение и т.д. В рамках реформы судопроизводства разделены функции управления и юстиции, введена независимость суда, несменяемость судей. В ходе церковных реформ была подтверждена веротерпимость, равноправие конфессий, а также введен государственный контроль над церковью, уничтожены монастыри, священники стали государственными служащими с государственным же содержанием. В 1807 г. конституция была введена в Вестфалии, в 1808 г. – в Баварии; основой для участия в работе представительной власти теперь являлся имущественный, а не сословный ценз.

Прусские реформы стали ответом на поражение, унижительные условия Тильзитского мира и оккупацию. Эти же причины легли в основу нового этапа национального движения, получившего в первую очередь национально-освободительную окраску. Его ядром стали тайные патриотические организации, в том числе «Тугендбунд» и гимнастические общества, целью которых была пропаганда патриотических идей. Важным моментом для развития этого движения была имевшаяся у него активная поддержка в прусском министерстве (Штейн, Гнейзенау, Клаузевиц и др.). Все они из-за гонений, спровоцированных Наполеоном, вынуждены были эмигрировать в Россию, откуда и началось, в рамках Заграничного похода русской армии, освобождение Германии от французского господства. Калишская декларация 1813 г., обещая возврат Германии свободы и независимости, впервые обращалась не только к князьям, но и к «народам Германии», сделав их субъектом политики. Следует отметить, что развернувшееся в стране партизанское движение часто опережало инициативы властей. Воззвание прусского короля Фридриха Вильгельма III «К моему народу» появилось только через три с лишним месяца после выхода частей генерала Йорка из состава армии Наполеона и начала активных военных действий против него на всей территории Пруссии.

Весной–летом 1813 г. война была, прежде всего, национальным делом немецкого народа, однако с осени, по мере вступления в 6-ю коалицию все

новых государств и интернационализации конфликта, инициатива перешла к властям, в первую очередь австрийским, а война все больше становилась традиционной кабинетной войной под руководством К. Меттерниха и А. Веллингтона. Следует отметить, что уже в 1813 г. Меттерних выступал активным противником национального движения, понимая, что его целью является не только освобождение от французского господства, но и политическая эмансипация широких общественных слоев, что в корне противоречило принципам его консервативной политики. Именно выжидательная, а иногда и враждебная позиция прусских и австрийских властей, не готовых возглавить в полной мере национальное движение, не позволила сделать следующий шаг – ввести в Пруссии и Австрии конституции, которые могли бы стать залогом поступательности процесса национального строительства. Именно такое, всячески демонстрируемое желание вернуться к старым сословным порядкам, реставрировать не только сметенные революцией и войной режимы, но и лишить широкие общественные слои их завоеваний, привело к тому, что, когда военные действия переместились на территорию государств Рейнского союза, выяснилось, что его профранцузски настроенные жители вовсе не рады возвращению в орбиту австро-прусской политики. Общественное мнение в этих государствах посчитало поражение Наполеона откатом назад и возвращением к старым порядкам и заявило о своем нежелании возвращаться к прошлому.

Для патриотов в 1810–1814 гг. лояльность по отношению к собственным государям подчас оказывалась сильнее, чем общегерманское дело борьбы с Наполеоном, а под Отечеством они все-таки в большей степени понимали отдельные княжества и государства, чем достаточно эфемерную единую Германию. Следует заметить, что для национального движения периода антинаполеоновских войн вовсе не был характерен антимонархизм. Главным лозунгом освободительной борьбы был: «За короля и Отечество», причем требования введения конституции были обращены именно к монарху, т. е. эти две тенденции – монархическая и конституционная – благополучно уживались и даже дополняли друг друга. Следует еще раз подчеркнуть, что основным в этот период оставался именно земельный патриотизм, тесно связанный с верностью «своему» монарху. Саксонские части остались верны французскому императору, последовав за своим курфюрстом Фридрихом Августом I. И все же в ходе Освободительной войны национальное самосознание стало признаком уже не только образованной элиты, но и широких крестьянских и городских слоев.

Также вновь актуализировался вопрос о территориальных границах «немецкой нации». В 1813 г. Э.М. Арндт опубликовал текст песни «Was ist das Deutschen Vaterland?» Поэт ответил на этот вопрос вполне в духе теории «Kulturnation», а именно – «Повсюду, где звучит немецкая речь». Однако в реальности решение проблемы оказалось не столь прямолинейным и простым.

Подводя некоторые итоги этого периода, стоит еще раз подчеркнуть, что освободительные войны дали мощнейший импульс развитию национального самосознания, расширили круг его носителей – национальное самосознание, до этих пор присущее только элите общества, стало признаком широких социальных слоев. Земельный национализм и патриотизм все еще превалиро-

вали над общенемецким, что было обусловлено всем предыдущим развитием этих территорий, но при этом проявились совершенно новые черты, ибо они впервые оказались тесно связанными с эмансипацией общества, требованиями конституционного развития и установления гражданских свобод и гражданского равенства. Появление на исторической арене именно в это время современных наций оказалось тесно связано с национальной войной и в принципе с военным путем решения политических проблем (что позволяло создавать и образы национальных героев, и отграничивать «своих» от «чужих» и т.д.).

После 1814–1815 гг. политическая жизнь в Германии развивалась по законам, установленным на Венском конгрессе, а державы, бывшие главными силами в послевоенной Европе, вовсе не желали иметь в центре континента новое мощное государство, которое в скором времени сможет претендовать на установление своей гегемонии. Активная вовлеченность Пруссии в систему, созданную монархами-победителями и Меттернихом, на 33 года задала основную направленность ее развития.

Следует особо отметить, что хотя основным направлением дальнейшего развития на континенте, провозглашенным на конгрессе, была «Реставрация», полностью отказаться от новых политических принципов и идей было уже невозможно. XIX век после Венского конгресса стал веком конституционализма и либерализма, а любое оппозиционное движение, по крайней мере в германских государствах, становилось национальным движением.

Конституционные документы, принятые на Венском конгрессе, закрепили с правовой точки зрения монархический принцип как основу германской государственности. Статья 57 Заключительного акта гласила: «Поскольку Германский союз, за исключением свободных городов, состоит из независимых княжеств, то, согласно изложенным здесь основным положениям, вся государственная власть принадлежит главе государства и суверен посредством земельно-сословной конституции может содействовать реализации определенных прав при участии сословий». Эта статья предопределила один из основных постулатов дальнейшего развития прусского конституционализма вплоть до 1918 г. При этом нельзя сказать, что представительные органы не пытались получить в свои руки хоть какую-то часть законодательной инициативы. Чаще всего удавалось добиться права парламента на вотиrowание налогов и бюджета, так как эти права со времен Средневековья традиционно принадлежали ландтагам (например, § 88, 140 Конституции Ганновера 1833 г.).

Наступившая общеевропейская реакция, которая была закономерным ответом на потрясения, вызванные революцией, нашла свое наиболее полное воплощение в деятельности Священного союза. Созданный на Венском конгрессе Германский союз, просуществовавший вплоть до 1866 г., воспринял все слабые стороны Священной Римской империи. Отсутствие единых институтов, слабость демократических начал, гегемония Габсбургов, неясность общих целей и спорность границ делали его слабой пародией на ожидаемое большей частью немцев германское объединение. Германский союз был основан на восстановлении старых имперских связей и вполне удовлетворял представителей «старой имперской нации», но никак не отвечал целям новых общественных сил — прежде всего формирующегося

среднего класса. Туманная запись в меморандуме В. фон Гумбольдта 1816 г., гласившая, что «никто не мешает Германии так или иначе стать когда-нибудь единым государством и единой нацией», вряд ли могла удовлетворить сторонников объединения. Постоянное давление на их общественное движение не сломило, а лишь укрепило его. Национальные празднества в Вартбурге (1817) и Гамбахе (1832) были вершиной айсберга, а выполнение Карлсбадских постановлений 1819 г. дало властям лишь видимость спокойствия. В этот период в германских государствах продолжает развиваться конституционное движение, благодаря которому к 1824 г. 15 государств запада и юга Германии получили Основные законы. Члены студенческих корпораций и гимнастических обществ постоянно пропагандировали национальную идею, призывая общество объединиться ради ее воплощения. Главным для этого периода, однако, стала не абстрактная национальная идея, а становление и укрепление политических позиций тех социальных слоев и сил, которые могли быть ее активными носителями и реализовывать ее на практике. Такой силой могла стать только мощная буржуазия, появление которой было подготовлено проведенными в начале века реформами, прежде всего аграрной и цеховой. Разрешение свободной предпринимательской деятельности стало одной из основных предпосылок охватившей Германию в первой половине XIX в. промышленной революции, феномена, не имевшего аналогов в прошлом и сделавшего мир и человека такими, какими мы их видим сегодня, или, по крайней мере, видели несколько десятилетий назад.

Не останавливаясь подробно на ее хозяйственно-экономических аспектах, хотелось бы несколько слов сказать о социальных, культурных и демографических сторонах этого явления. Вот несколько цифр: за период с 1816 по 1865 г. население Германии выросло на 60% (с 32,7 до 52 млн чел.), а население Берлина – на 226% (с 198 до 646 тыс. чел.). Такие резкие демографические сдвиги стали следствием резкого снижения смертности, в том числе детской, связанного в первую очередь с развитием медицины и гигиены, резким ростом рождаемости, обусловленным в том числе и расширением экономических возможностей для создания семьи и рождения большего числа детей. Этот демографический скачок вызвал страх, что продовольствия просто не хватит на всех (теория Т.Р. Мальтуса), который привел даже к введению ограничений на брак в отдельных германских государствах (Ганновер в 1827 г., Баден в 1831 и 1851 г. и т.д.), что, однако, не принесло ожидаемых результатов. В это время происходит и рождение современной семьи, которая состоит из родителей и детей, в отличие от прежней большой патриархальной семьи. К последней трети XIX в. брак все чаще основывается на любви, родители начинают уделять внимание воспитанию и образованию детей и т.д. Эти изменения подтолкнули и модернизацию облика городов (появляется городское освещение, улицы покрываются асфальтом, делятся на проезжую часть и тротуар, развивается общественный транспорт). Люди становятся все более мобильными, возникает интерес и возможность посетить другие страны и даже континенты. Этой эпохе как нельзя лучше соответствует буржуазный во всех смыслах стиль бидермайер, с его культом домашнего очага и частной жизни. Все эти изменения в повседневной жизни стали возможны только благодаря формированию новых экономических условий.

Бидермайер – стиль в культуре и искусстве, распространившийся в Германских государствах в период с 1815 по 1848 г. Свое название получил по герою-обывателю (филистеру) карикатур В. фон Шеффеля, которые публиковались в журнале «Münchener Fliegende Blätter». Стиль бидермайер, являющийся одной из форм ампира, сформировался в условиях политической реакции, наступившей после завершения наполеоновских войн, реставрации дореволюционных режимов, создания Германского союза и главенства Священного союза в Европе. Отягощение общеполитической ситуации и разочарование в надеждах на изменение общественных условий и климата привело людей к желанию спрятаться в частной жизни, стать «обывателями». Второй важнейшей причиной появления этого стиля стало изменение условий жизни, прежде всего городской. Распалась традиционная семья, на ее месте возник современный тип семьи, состоящей из родителей и детей. Промышленный переворот и индустриализация обеспечили большой приток нового населения в города. Формирование среднего класса из образованных людей, имеющих досуг, но не воспитанных в дворянской, аристократической культуре, стало основой для нового стиля в живописи, архитектуре, производстве мебели, моде и т.д.

Бидермайер был культурой людей, замыкающихся в семейной, частной жизни. Они стремились к обустройству уютного дома (или городской квартиры в собственном или доходном доме), занимались воспитанием и образованием детей (учили их музыке – в домах появились пианино и переложенные для домашнего музицирования музыкальные произведения – клавиры; занимались с ними рисованием, читали вслух и т.д.). Никогда до этого занятиям с детьми родители не посвящали столько времени, как в первой половине XIX в.

Для живописи бидермайера характерен романтизм, пасторальные сюжеты, в прикладном искусстве наибольшее распространение получил в производстве фарфора и росписи по стеклу. В интерьерах и моде носил прикладной характер, должен был делать жизнь приятной, удобной, уютной и практичной.

К самым известным представителям стиля бидермайер относятся поэты Э. Мёрике и А. Штифтер, художники Ф.Г. Вальдмюллер и Ф. фон Амерлинг.

В 1818 г. в Пруссии были отменены внутренние таможенные границы, что способствовало созданию общепрусского рынка. В начале XIX в. стали складываться основные промышленные районы – Рейнско-Вестфальский (металлургия), Саксонский (текстильная промышленность), Силезский (горная), начинается железнодорожное строительство, развиваются новые отрасли промышленности (например, химическая), благодаря использованию минеральных удобрений резко повышается продуктивность сельского хозяйства. Для складывания единого внутреннего рынка большое значение имел Германский таможенный союз 1834 г., в который вошли вначале 10 государств во главе с Пруссией, а вскоре присоединились еще 8 (всего он объединил 23 млн чел.). Пруссия вела переговоры с каждым, даже с самым небольшим государством на равных. Эта стратегия способствовала созданию системы, которая постепенно привела к выравниванию положения Австрии и Пруссии в Германском союзе и заложила основы будущего «превалирования Пруссии» в германском объединительном процессе.

Феномен политического развития германских государств в 1830–1840-е годы включает в себя несколько основных аспектов. В основе процесса, с нашей точки зрения, лежат экономические предпосылки формирования

нового мобильного классового (вместо ранее существовавшего сословного) общества. Для социальной классификации крупнейший германский экономист и историк Густав Шмоллер в 1897 г. выделил следующие критерии – имущество, образование и функция.

Верхний слой общества состоял, исходя из этих критериев, из крупнейших помещиков и предпринимателей, высших чиновников и высших офицеров, врачей, людей искусства и рантье. Шмоллер посчитал, что к этой группе относятся примерно 2,08% населения. «Высший средний слой», по Шмоллеру, состоял из помещиков средней руки и средних предпринимателей, высших (т.е. академически образованных) чиновников, представителей свободных профессий, получивших высшее образование, и офицеров. К «низшему среднему слою» он относил чиновников средней руки, мелких крестьян, мелких торговцев, ремесленников, служащих, фабричных мастеров, хорошо оплачиваемых профессиональных рабочих и унтер-офицеров. К «низшему классу» он относил наемных рабочих, низших чиновников, бедных ремесленников и крестьян.

Основным носителем новых идей, в том числе национальной, стал не только и не столько новый класс буржуа, сколько более широкая социальная группа, получившая в современной литературе наименование «среднего класса».

Средний класс стал формироваться, в первую очередь, на основе высших и средних слоев городского населения. Реформы в Пруссии и в других германских государствах в начале XIX в. дали толчок к увеличению мобильности общества, одним из основных признаков которой стал приток населения в города. Однако даже в последней трети XIX в. две трети населения Германии проживали в деревне и были заняты в аграрном секторе, горожане составляли 36,1% населения. Только в 1910 г. городское население стало превалировать над селским и достигло 60,1%.

Вопрос о формировании среднего класса нельзя отделить от проблемы становления класса буржуазии, так как в значительной степени эти понятия пересекаются. Для Германии конца XVIII – начала XIX в. имели значение территориальные различия в положении и управлении городов, а также дифференциация внутри того слоя, который мы достаточно аморфно определяем как «буржуазию». Речь идет о городском слое, т.е. не дворянском и не крестьянском населении, а об особой, хоть и имеющей различные локально-региональные формы, части населения. К этому слою можно отнести следующие основные группы.

Во-первых, городское бюргерство (горожане). За исключением некоторых ярмарочных, портовых и промышленных городов, жизнь представителей этого слоя во всех остальных местах была весьма традиционной и даже ортодоксальной. Они совсем не были вовлечены в начинающуюся индустриализацию и зарождающееся крупное промышленное производство. Совершенно неверным является представление о том, что городские бюргеры лучше всего подходят на роль носителей прогресса. Естественно, и среди них существовали отдельные активные люди, к ним можно отнести крупных торговцев, особенно связанных с внешней торговлей, банкиров, владельцев мануфактур, но основная их масса просто чуралась прогресса.

Во-вторых, так называемые «новые горожане», прежде всего буржуазия и высокообразованные слои населения. К этому новому слою, который заявил о себе только в конце XVIII в. и отсутствовал в прежней сословной структуре, следует отнести чиновников городского управления, теологов, профессоров, домашних учителей, ученых, юристов, нотариусов, врачей, аптекарей, писателей, журналистов, инженеров, офицеров, руководителей государственных предприятий, а также владельцев издательств, мануфактур, банков и фабрик. Основная масса представителей этого слоя, который появился благодаря эволюционным процессам в обществе нового времени, проживала в городах, однако некоторая часть и на селе, например священники в сельских приходах, инженеры на горных разработках, гувернеры в поместьях и т.д.

Значительная часть граждан, относящихся к этому социальному слою, принадлежала к функциональной элите «государственных служащих» и еще очень редким представителям «свободных профессий». Вначале очень немногочисленную часть граждан составляли капиталистические предприниматели (трактовавшиеся вначале очень широко). Данные по многим городам свидетельствуют о том, что те полноправные бюргеры, которые на протяжении веков занимались торговлей или мелким производством, стали инициаторами создания крупных промышленных, транспортных, полиграфических и других предприятий. Они проживали как в городах, так и в селах, и им долгое время не были присущи общие социальные черты. Часто они происходили из других частей страны и даже из-за границы (Нидерланды, Франция, Англия и т. д.) или принадлежали к этническим или религиозным меньшинствам (гугеноты, евреи, богемцы, валлоны и т.д.). Позиция этих чуждых групп во многих городах и целых местностях (Нижний Рейн, область Рейна-Майна) была очень сильна.

Из вначале разрозненных групп постепенно развивался новый однородный класс капиталистических предпринимателей, который впоследствии стал основой класса германской буржуазии. Термин «буржуазия» дает возможность обособить эту группу от представителей городского бюргерства и образованных слоев. Это разграничение вполне правомерно, несмотря на подвижность границ каждого слоя. Впоследствии этот класс разделился на две основные части: крупную буржуазию и мелкую, которая отличается от традиционного городского слоя (мелкие ремесленники, торговцы). Ярким примером для иллюстрации появления такой буржуазии в конце XVIII – начале XIX в. служат владельцы мануфактур. Среди основателей мануфактур явный перевес был у бюргеров, чиновники были в меньшинстве. Во Франконии из 98 созданных в 1680–1830 гг. мануфактур 85% было образовано старыми предпринимателями (причем торговцев среди них лишь немного больше, чем ремесленников), 4 – дворянами, 2 – чиновниками и 4 предприятия были королевскими фирмами). Мануфактуры стали trampлином для экономического и социального взлета буржуазных предпринимателей, бывших по происхождению в основном торговцами и ремесленниками. Прусская государственная политика не способствовала появлению класса таких предпринимателей (мешало сопротивление дворянства, бюрократические препоны и прямое государственное вмешательство). При этом почти все предприниматели пытались получить государственные привилегии или монополии.

В городах существовала достаточно многочисленная группа мелкой буржуазии, которая состояла из представителей и старого, и нового «среднего слоя». К ним впоследствии добавились и служащие, занятые на частных предприятиях, а также на государственной и муниципальной службе. Эту страту вначале отличали нечеткие рамки и особая социальная мобильность. Средние слои были готовы сохранять свои традиции и формировать новые. Главное, к чему они стремились, – это подняться максимально высоко из низов социальной лестницы.

Итак, «средний класс» можно определить как часть самостоятельного населения, проживавшего в основном в городах, обладавшего собственностью, вовлеченного в процесс производства или имевшего профессию, требовавшую получения высшего образования и приносившую достаточно высокий доход. К среднему классу мы относим, прежде всего, предпринимателей, занятых в сфере промышленного производства и торговле, представителей «свободных профессий», т.е. адвокатов, учителей, ученых, врачей и т.д., среднее звено чиновников, а также категорию служащих-менеджеров. Формирование этого класса было достаточно длительным процессом: с конца XVIII до конца XIX в. Этот слой складывался в русле общей тенденции перехода от сословного общества к социально-мобильному классовому обществу, который был характерен в этот период для всех основных европейских государств. Идеологией нарождавшихся в Германии буржуазии и среднего класса стал либерализм.

Либеральное движение в 1830–1840-е годы было, прежде всего, конституционным движением. Начавшись на региональном уровне, оно постепенно (к середине 1840-х годов) вышло на общегерманскую арену. Перед революцией 1848 г. либералы играли заметную роль в юго-западных германских государствах, имевших к этому времени конституции и ландтаги, близкие по своему характеру к парламентам в современном понимании. Не углубляясь в проблему либерализма и подробности политической борьбы, следует отметить, что либеральное движение, так же, впрочем, как национальное и консервативное, не было однородным. В нем были как левые, так и правые, как «идеалисты», опирающиеся исключительно на ценности классического либерализма, так и «практики», пытающиеся объединить либеральные принципы с политическими реалиями Германии. Так же, как и в других странах, отчетливо выделялись два основных течения – либерализм и демократия. Это отсутствие единства проявилось впоследствии в деятельности Франкфуртского национального собрания. При этом следует отметить, что патриотизм либералов носил ярко выраженный земельный характер, представители этого течения стремились к завоеванию гражданских свобод и построению правового, парламентского государства в рамках отдельных государств. Создание единой германской нации в 1830–1840-е годы становится основной целью либералов, причем на данном этапе речь уже не идет о формировании национального самосознания (в основном у интеллектуальной и политической элиты оно уже сформировалось), а о ее социальном и экономическом оформлении. Создание единого германского национального государства рассматривалось как общая цель гражданского общества и монархов. При этом либералы считали своей задачей обеспечение гражданских свобод, политическое объединение отдавалось на откуп правящим домам.

Такая постановка вопроса сводила национальное единство только к государственному объединению. Демократы, в противовес либералам, декларировали претворение в жизнь принципа народного суверенитета, из которого, по их мнению, вытекало и решение национального вопроса силами самой нации.

Вплоть до 1848 г. прусские короли считали, что небольшие правовые уступки либералам являются не столько необходимым, сколько достаточным условием для сохранения государства в спокойно-равновесном состоянии в условиях общеевропейской послереволюционной реакции, а затем и при нарастании новых революционных тенденций к западу от границ союза. Работа четырех конституционных комиссий закончилась изданием королевских указов и только в 1847 г. прусский король впервые созвал Объединенный ландтаг.

События 1848 г. являются одной из ключевых историографических проблем в истории Германии XIX в. Практически все современные исследователи едины в том, что революция 1848–1849 гг. в Германии имеет, прежде всего, социальные причины. При этом главной целью, содержанием и задачей был все же национальный вопрос.

Основными требованиями либеральной оппозиции с середины 1840-х годов были: отмена всех ограничений политических свобод, введение свободы слова, собраний и союзов, всеобщего (конечно, только для мужчин) избирательного права, расширение прав народного представительства, введение министерской ответственности и нового гражданского кодекса, полное равенство в гражданских и политических правах представителей разных конфессий, разработка социального законодательства, созыв общегерманского парламента и создание национального конституционного государства. При этом во всех германских государствах, где не были до этого приняты конституции (Австрия, Пруссия и т. д.), именно этот вопрос был самым главным. Все эти требования по сути были призывами не к революции, а к реформам. Дальнейшее развитие событий показало, что вооруженный мятеж, выплеснувшийся на улицу, был в Германии скорее исключением (особенно, если сравнивать эти события с революцией во Франции). 18 марта 1948 г. в Берлине вспыхнуло восстание, в ходе которого погибли более 200 человек. Трагедия стала главным образом следствием недооценки серьезности ситуации королем Фридрихом Вильгельмом IV и его министрами, так как королевские указы об отмене цензуры и созыве Соединенного ландтага в целях выработки конституции для Пруссии были уже готовы и вышли в тот же день. В них содержалось предложение членам Германского союза превратить Германию из «союза государств в союзное государство». 21 марта была обнародована королевская прокламация «К моему народу и германской нации», в которой король назвал себя конституционным монархом и выражал готовность взять в свои руки руководство немецкими князьями вследствие внешней и внутренней угрозы.

Народ, выйдя на улицы и заставив короля обнажить голову перед телами погибших берлинцев, победил в Берлине организованную военную силу. Король назначил новое правительство во главе с умеренными либералами Л. Кампгаузенем и Д. Ганземаном, которое 2 апреля созвало ландтаг, принявший закон о выборах в Прусское национальное собрание. Выборы про-

шли в апреле–мае 1848. Уже в ходе работы предпарламента, заседавшего 31 марта – 3 апреля во Франкфурте-на-Майне в соборе Св. Павла, среди депутатов определились приверженцы двух основных политических позиций. «Либералы» видели цель в «свободе, суверенитете народа и монархии» и считали, что объединить Германию можно, убедив князей признать главенство Пруссии, а «демократы» выступали за свержение монархии, установление республики, уничтожение всех старых государственных институтов и превращение предпарламента в постоянно действующий революционный орган (Струве). Идея либералов о возможности мирного пути объединения страны не была такой уж утопической – некоторые государства готовы были объединяться под прусской эгидой (Баден, Вюртемберг), а Австрия, занятая в этот момент внутренними делами, вряд ли смогла бы помешать этому. Но Фридрих Вильгельм IV сам отказался от такого развития событий.

Все последующие основные события разворачивались в стенах созданного во Франкфурте-на-Майне Национального собрания. Среди депутатов доминировали чиновники, юристы, врачи, т. е. именно тот «средний класс», о котором говорилось выше и который взял на себя реализацию всех проблем, стоявших перед обществом.

Постепенно в Национальном собрании выявились два возможных пути решения национальной проблемы. Великогерманский, означавший объединение всех германских земель, включая Австрию, под властью императора из династии Габсбургов, и малогерманский, предполагавший объединение страны без участия Австрии во главе с прусскими Гогенцоллернами. О границах и будущем гегемоне разгорелся многомесячный спор. И это при том, что во время «горячей стадии» революции вопрос о власти не был решен, франкфуртскому парламенту она в полной мере не принадлежала, и чем дольше он заседал, тем более беспомощным становился. Кроме того, в процессе своей деятельности собрание оказалось втянуто в национальные конфликты. То что в теории казалось правильным и справедливым, например восстановление независимости Польши, пришло в противоречие с требованиями реальной политики, что понимали даже демократически настроенные депутаты.

В центре дискуссии оказался вопрос, что в принципе следует считать основой для будущего единого государства – Германский союз или область распространения немецкого языка? Главным камнем преткновения стали негерманские земли Австрии и Пруссии. В конце концов собрание пришло к единому мнению, что идти на раздел империи Габсбургов и перекраивать карту Центральной Европы никто не готов. Проблема объявившего о своей независимости от Дании Шлезвиг-Гольштейна и попытки ее решения показали, что изменений в Центральной Европе и германского единства нельзя было достичь вопреки существовавшей тогда системе европейских держав.

Ратификация Национальным собранием перемирия с Данией в Мальмё от 26 августа 1848 г. вновь вывела людей на улицы с требованиями роспуска парламента. В этой ситуации депутаты пошли против «породившего» их народа. Правительство для защиты парламента вызвало прусские, гессенские и австрийские войска, которые и подавили восстание. После этого инициатива полностью перешла к королю и имперским князьям. В ноябре 1848 г. король добился самороспуска прусского Национального собрания, а 5 декабря Пруссии была дарована конституция, что нанесло сильнейший удар по по преж-

нему дебатирующему Франкфуртскому национальному собранию, которое, впрочем, еще несколько месяцев обсуждало проекты имперской конституции. Либералы, боровшиеся за единое конституционное государство, были удовлетворены прусской конституцией и боялись того, что политический процесс выйдет из-под их контроля. Запоздавшая попытка собрания отказаться от активно обсуждаемого и желательного для большинства депутатов великогерманского решения и предложить германскую корону Гогенцоллернам не удалась. 27 марта 1849 г. парламент принял имперскую конституцию и избрал прусского короля императором Германии. Король согласился принять корону, но только легитимным путем, т. е. с согласия всех германских князей и вольных городов. Фридрих Вильгельм не без оснований боялся протеста остальных европейских держав и возможной интервенции Австрии. В апреле имперская конституция была отклонена правительствами Австрии, Баварии, Ганновера и Саксонии. Через несколько дней Австрия и Пруссия, а затем и другие государства отозвали своих представителей из Франкфуртского национального собрания, что фактически означало конец его деятельности. 18 июня 1849 г. вюртембергские войска разогнали собрание, переехавшее в Штутгарт, что не вызвало широких протестов и народного возмущения.

Несмотря на кажущуюся малозначительность результатов революции, она сыграла огромную роль в дальнейшей истории страны. Главными ее результатами было, во-первых, то, что на улице и в стенах Национального собрания были поставлены самые важные вопросы развития будущего государства и намечены основные пути их решения. Во-вторых, повсюду в Германии монархи были теперь связаны существовавшими не на словах, а на деле конституциями и делили законодательную власть с парламентами. В-третьих, именно во Франкфуртском национальном собрании появились зародыши всех основных германских политических партий, а германские массы получили первый реальный опыт общественной жизни, стало зарождаться гражданское общество.

В период реакции, начавшийся в 1849 г., национальное движение испытывало вполне определенные трудности, однако «пришедшее в движение общество» (Вольфрам Зиман) уже не могло вернуться в состояние до 1848 г. Перед ним стояли три основные задачи – политическое объединение (создание национального государства), демократизация и решение социальных проблем (эмансипация рабочих, женщин, евреев и т. д.).

Первоочередной в этом списке проблем, конечно же, была первая: в рамках единого государства должны были решаться в будущем все остальные задачи. В этот период на первый план выходят экономические предпосылки, именно экономика становится тем «паровозом», который тащит за собой другие уровни национального объединения. И в этом процессе инициатива постепенно переходит к Пруссии, перехватившей, несмотря на восстановление в 1850 г. Германского союза, инициативу в объединительном процессе у Австрии и сделавшей ставку на укрепление своих позиций в созданном еще в 1834 г. Германском таможенном союзе. В международных экономических отношениях германские государства все чаще стали выступать как единое образование, что отчетливо проявилось на всемирных выставках 1860-х годов. Продолжают свою деятельность и гражданские общественные

К. фон Сименрод. Император Вильгельм I и канцлер О. фон Бисмарк в комнате дворца Унтер ден Линден. Берлин, 1887 г. Частная коллекция

всегерманские объединения, самым значительным из которых было Германское национальное общество (1859 г.).

В этот момент ситуация во властной структуре Пруссии изменилась. В 1858 г. Фридрих Вильгельм IV заболел нервной болезнью и регентом при нем стал его брат Вильгельм. Хотя 61-летний Вильгельм исповедовал консервативно-монархические взгляды, именно при нем в Пруссии началась «новая эра». Постепенно снижалось давление на прессу и общество. Новый импульс получил проект объединения страны по малогерманскому пути

после поражения Австрии в войне с Италией в 1859 г. Многие общественные мероприятия, такие, например, как праздник Шиллера в 1859 г. (который проходил при активнейшем участии Германского национального общества) сопровождались призывами к единству, пересмотру Союзной конституции и созыву германского парламента на основе выборов.

В 1861 г., после смерти Фридриха Вильгельма IV, его брат стал королем Пруссии под именем Вильгельма I. Именно с этого времени, с сентября 1862 г., когда Отто фон Бисмарк был назначен на должность прусского министра-президента, начинается эпоха истории Германии, которую по праву можно назвать «бисмарковской». Бисмарк был назначен на эту должность в сложный период нарастания конфликта трона и ландтага, когда в Пруссии возникла угроза новой революции. Он прежде всего усиливает антилиберальную направленность внутренней политики и ограничивает свободы, чтобы стабилизировать ситуацию. Но основной целью своей деятельности он сделал объединение страны под эгидой Пруссии.

Общественное мнение вовсе не было воодушевлено назначением малоизвестного политика на столь высокий пост. Газета «Кёльнише цайтунг» писала в сентябре 1862 г., что Бисмарк является «среди юнкеров наших восточных провинций редкой птицей, образованным и духовным человеком, которому присуща не только личная обходительность, но и красноречие и предприимчивость; его нельзя назвать ни беспомощным, ни тем более безопасным человеком». А известный историк и публицист Г. фон Трейчке, многолетний издатель «Пройссишер ярбюхер» в том же году скептически заметил: «Когда я слышу от такого юнкера, как этот Бисмарк, что он хвастает “железом и кровью”, с помощью которых он собирается покорить Германию, то эта пошлость достойна только смеха». Естественно, особенно критически в этот период отнеслись к новому министру-президенту либералы и социалисты. Они считали Бисмарка не конструктивным политиком, а авантюристом. Фердинанд Лассаль отзывался о нем как о «реакционном юнкере, от которого можно ожидать только реакционных шагов».

После битвы при Кенингсретце (1866 г.) это уничижительное мнение о Бисмарке в корне изменилось, особенно в либеральной и консервативной среде. Тот же Г. фон Трейчке называл теперь его «популярнейшим человеком в Пруссии». В это время бисмарковская политика уже кажется ему не только «понятной, но и нравственной. Он хочет продвинуться вперед ради высокой цели германского единства, и тот, кто является личностью, должен ему в этом помогать». Выразителем национальных интересов к середине 1860-х годов стали его считать и либералы, полностью поддержав войну Пруссии против Австрии и видя в ней следование общегерманским целям против венских интриг.

Столь же восторженно оценивалась деятельность Бисмарка и за границей. В 1866 г. лондонская «Таймс» писала, что Бисмарк является «единственным человеком в Германии, который знает, чего он хочет. Без него стремление немецкого народа к единству не смогло бы осуществиться».

Все эти высказывания отдают должное целеустремленности и последовательности Бисмарка. Он показал себя человеком, готовым пойти на все для достижения своей цели. А такой целью для него в 1860-е годы стало усиление Пруссии и объединение германских государств в единую империю под ее руководством.

Твердость своей позиции в отношении любых сил, которые могли бы помешать реализации объединительной стратегии (в том числе и одной из ветвей прусской власти – ландтага), Бисмарк продемонстрировал в ходе так называемого Конституционного конфликта. Толчком к нему стал вынесенный на одобрение ландтага в 1860 г. проект военной реформы, который предполагал увеличение армии в два раза, продление срока службы с 2 до 3 лет и ослабление значения и самостоятельности ландвера, боеспособность которого оценивалась экспертами очень низко. Для осуществления этой программы предполагалось увеличить военные ассигнования, которые в последнее время из-за тяжелого финансового положения покрывали едва ли две трети военных нужд, и это при том, что в то время всеобщая воинская повинность существовала только на бумаге. Камнем преткновения для либеральной палаты стал проект реорганизации ландвера, который для многих с 1806 г. был символом демократического подъема и национального освобождения, а также демократическим, народным элементом в аристократической структуре прусской армии. Возражения вызвало также предполагаемое увеличение срока службы. Либералы считали (и высказывали это вслух на заседаниях), что увеличение армии станет наступлением на буржуазные свободы. Отказ палаты от одобрения законопроекта привел к ее открытому противостоянию с министром-президентом. 30 сентября 1862 г. он выступил в бюджетном комитете ландтага с программной речью, в которой, в частности, заявил, что «Германия надеется не на либерализм Пруссии, а на ее силу, это Бавария, Вюртемберг или Баден могут рассчитывать на либерализм, потому что не претендуют на ту роль, которую играет Пруссия. Пруссия должна собрать все силы в кулак... так как границы, определенные ей Венским конгрессом, не достаточны для здоровой жизни государства; важнейшие вопросы времени решаются не речами и решениями большинства, – что было большой ошибкой 1848 и 1849 г., – а железом и кровью». Так впервые Бисмарком был произнесен лозунг, определивший затем путь создания Германской империи – «железом и кровью». Эта демонстрация силы должна была воздействовать как на за границу, так и на непокорных депутатов. Бисмарк продолжал управлять страной, заткнул рот прессе, которая критиковала его действия, грозил либеральным депутатам санкциями, вплоть до арестов. Опираясь на 106 статью Конституции, которая предписывала правительству в случае неприятия бюджета палатой повысить налоги для обеспечения жизнедеятельности государства, Бисмарк продолжал управлять страной без утвержденного бюджета, не обращая внимания на общественные протесты.

С восшествием на престол Вильгельма I и назначением на должность прусского министра-президента Бисмарка национальная идея объединения стала государственным делом Пруссии, основной задачей ее властей. Произошел перевод проблемы единства Германии в плоскость государственной политики, что сделало ее реальной и в конечном счете выполненной задачей.

Не останавливаясь на подробностях «военного пути» объединения страны (оно многократно описано во всех учебниках), необходимо отметить лишь некоторые моменты. В результате двух войн – Датской (1864 г.), в которой Пруссия выступила совместно с Австрией, и Австро-Прусской (1866 г.), в которой Пруссия одержала быструю и сокрушительную победу

над противником, Бисмарк создал новое территориальное образование, уже целиком находившееся под руководством Пруссии – Северогерманский союз. Пруссия просто заявила об аннексии Ганновера, Гессена, Нассау и свободного города Франкфурта, лишив тем самым местных князей их тронов. Остальные княжества, расположенные севернее Майна, включая и Саксонию, были объединены в Северогерманский союз. При этом Пруссия продолжала признавать «независимый в международном отношении» союз южногерманских государств.

Этими действиями Бисмарк создал необходимые условия для осуществления своей главной задачи. Теперь, чтобы идти дальше, ему следовало закрепить достигнутый успех. Для этого во внутренней политике он должен был полностью адаптировать новые земли к государственной структуре Пруссии, оформить отношения Пруссии с Северогерманским союзом, сделав гегемонию Пруссии в нем абсолютной. Кроме того, перед Бисмарком стояла также задача обеспечить невмешательство европейских держав в реализацию его проекта объединения Германии, которые не могли не видеть связанных с этим перемен на европейской политической сцене.

Его мало беспокоила Россия, ослабленная поражением в Крымской войне и занятая внутренними проблемами. Иное дело Франция, хотя в тот момент ее внимание было сосредоточено главным образом на польских делах и мексиканской аванюре. Несмотря на то что Вторая империя катилась к закату и вряд ли, по расчетам Бисмарка, была способна силой противодействовать возможному объединению Северо- и Южногерманских союзов, он в то же время не мог, закончив одну войну, сразу же начать следующую. Мирный путь решения прусско-французских противоречий был бы для Бисмарка наиболее предпочтительным. В любом случае Бисмарк не мог позволить себе в этот период нерасчетливости и авантюризма, поэтому он согласился с предложенной Наполеоном III на австро-пруссских переговорах в Праге формулировкой о независимости Южной Германии.

Конституция Северогерманского союза была принята 17 апреля 1867 г., и тот же документ с минимальными изменениями стал в 1871 г. основным законом Германской империи. Статья 15 этого документа гласила, что вхождение в Северогерманский союз государств юга Германии не исключается. Бисмарк считал, что такое развитие событий не только возможно, но и вероятно, несмотря на ожидаемое противодействие со стороны Франции. 20 февраля 1867 г. в тронной речи на открытии рейхстага Северогерманского союза, который должен был утвердить его конституцию, прусский король заявил по поводу взятого курса на объединение страны буквально следующее: «Немецкое движение в последнее десятилетие не имеет никаких враждебных тенденций по отношению к соседям и никакого стремления к завоеваниям, но зато имеет потребность создать условия для государственного процветания огромного региона от Альп до моря, который в предыдущие столетия находился в упадке. Германские народы объединяются не для нападения, а для защиты...» Еще более внятно по поводу «линии по Майну» выразился тогдашний бургомистр Оснабрюка, впоследствии министр финансов и вице-президент Государственного министерства Й. фон Микель: «Мы боимся в Германии дуализма намного больше, чем существования большого количества государств, мы даже предпочтем федерализм, потому что он скорее при-

ведет к единству страны, чем дуализм. {...} Сегодняшняя линия по Майну не является линией раздела между двумя большими государствами – Австрией и Пруссией... она скорее некая остановка, на которой мы должны пополнить запасы воды и угля, перевести дыхание и идти дальше».

Итак, Северогерманский союз ясно дал понять, что собирается стать основой германского государства от Альп до Северного и Балтийского морей, а Майн является рекой не раздела, а объединения, на которой, фигурально выражаясь, существует множество мостов в обе стороны. Кроме того, на основе наконец одобренной в полном объеме военной реформы продолжалась реорганизация и усиление германских вооруженных сил. Такое положение вещей не могло не тревожить Францию, интересы которой создание новой великой державы в центре Европы затрагивало в первую очередь. Можно с уверенностью сказать, что обе стороны не только осознанно шли на конфронтацию, но и обостряли ситуацию. Случай с Эмской депешей стал только толчком к войне.

Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г. Против Франции в этой войне выступила не только Пруссия, и не только войска Северогерманского союза, но и вооруженные силы южногерманских государств. Россия сконцентрировала свои войска на границе с Австро-Венгрией, не дав последней выступить на стороне Франции, таким образом «отблагодарив» Пруссию за поддержку во время подавления польского восстания 1863–1864 гг. Военные действия в полном объеме начались в конце августа 1870 г. Французские силы были разгромлены очень быстро – уже 1 сентября сам Наполеон III был взят в плен пруссаками после битвы под Седаном, 4 сентября 1870 г. во Франции была провозглашена III Республика, в октябре 1870 г. капитулировал Метц, 28 января 1871 г. сдался окруженный с сентября Париж, что положило конец военным действиям.

Но еще до этого, 18 января 1871 г., в зеркальном зале Версальского дворца король Пруссии получил титул императора Германской империи. Совместное выступление всех германских государств против Франции стало свидетельством того, что фактическое объединение страны уже произошло. Пока шла война, Бисмарк не прекращал переговоров с южногерманскими государствами и империя стала реальностью еще до падения Парижа. По сути новое государство появилось на основе Северогерманского союза и стало его продолжением и развитием. Формально южногерманские государства, самыми значительными из которых были Бавария и Вюртемберг, вошли в Северогерманский союз. Именно этот факт и явился моментом создания единого государства. Очень показательными были переживания Вильгельма I, на которые обращают внимание все историки, – он не был в восторге от того, что любимая им прусская корона отошла на второй план, уступив место, казалось бы, более почетной и значительной короне императора. Другими словами, даже новый император чувствовал себя, особенно сразу после 1871 г., больше пруссаком, чем немцем. Те же чувства владели и большинством простых жителей империи.

Процесс создания Германии не закончился ее официальным провозглашением, оно лишь положило начало следующему этапу формирования единой нации. Поэтому нельзя говорить, что к 1871 г. Бисмарк полностью решил стоявшую перед ним задачу – создал единое государство. Да, такое

государство было провозглашено, но его внутренняя институционализация, а главное – складывание единой нации не только не были закончены, но в некоторых областях только начались. Вся последующая политика Бисмарка на посту имперского канцлера была направлена именно на формирование единых имперских институтов и унификацию различных сторон жизни. Только к началу Первой мировой войны можно с уверенностью утверждать, что все эти проблемы были разрешены и империя и ее общество стали едиными.

Говоря об объединении Германии, мы постоянно упоминаем Бисмарка. В истории Германии Нового и Новейшего времени слабость представительной власти с лихвой компенсировалась сильной исполнительной, что вначале нашло свое воплощение в князе Бисмарке, а затем в императоре Вильгельме II. Конституционный конфликт показал со всей очевидностью, что канцлер может действовать по своему усмотрению, заручившись лишь поддержкой короля. Противодействие парламента практически ничего не решало. Победив парламент, Бисмарк окончательно уверился в том, что структура это слабая и может быть использована исполнительной властью в своих интересах. Это отношение к прусскому ландтагу канцлер перенес и на рейхстаг, который в годы его правления играл второстепенную роль, что негативно сказалось на всем ходе германской истории. Поражение либералов, утративших ведущие позиции в процессе национального объединения, было вполне закономерным. Для того чтобы осуществить программу национального объединения в германских условиях, была необходима целенаправленная государственная политика, твердая воля и возможность действовать без оглядки на оппонентов. Как показала история, именно Бисмарку оказалось под силу то, что не удалось либеральным деятелям в 1848–1849 гг. При этом нельзя сбрасывать со счетов, что за период с 1813 по 1871 г. немецкое общество прошло долгий путь осознания себя как единой нации и понимания необходимости жить в едином государстве. А невхождение в его состав немецкоязычного населения Австро-Венгрии породило у него ирредентистские настроения, открыто давшие о себе знать в XX в.

На этом этапе развития национального самосознания государство как таковое не воспринималось как антитеза обществу. Представители гражданского общества, средний класс и все политически активные слои видели в нем не врага, а институт, управляющий социально-политическими делами внутри страны, и инструмент проведения национальной политики на международной арене (О. Данн). При этом и государство старалось привлечь национальные движения на службу государственным интересам. В результате имел место феномен «национализации» самого государства. Возникновение Германской империи вслед за произошедшим ранее образованием Итальянского королевства показало, что национальные государства становятся политической реальностью Европы.

Вместе с тем необходимо отметить, что Германская империя многими воспринималась все же как незавершенное национальное государство ввиду двух факторов – во-первых, ее разграничения с Австрией, так как часть немецкого населения, бывшего ядром Священной Римской империи, осталось за ее пределами в рамках многонациональной двуединой Австро-Венгрии; во-вторых, в силу федерального, а не унитарного характера государства, ко-

торое по конституции являлось «союзом немецких князей», а вовсе не реализацией народного суверенитета.

В феврале 1881 г. Бисмарк выступил в рейхстаге с речью в ответ на обвинения одного из вождей либералов в парламенте О. Рихтера, который заявил, что не только вся внутренняя политика Бисмарка, но и вся правительственная система в империи находится под прессом «диктатуры канцлера». Бисмарк подчеркнул: «С самого начала я действовал, наверное, быстро и необдуманно, но когда у меня появилось время об этом подумать, я попытался ответить на вопрос: что для моей родины, для моей прусской династии, а сегодня, что для германской нации является необходимым, целесообразным и правильным? Я никогда не был доктринером; все системы, по отношению к которым партии ощущали себя обособленными или наоборот объединенными, были для меня явлениями второго порядка, в первую очередь я думал о нации, ее позиции вовне, ее самостоятельности и нашей организации, которая позволила бы нашей нации свободно чувствовать себя в мире. Все, что может отсюда вытекать – т.е. либеральное, консервативное или реакционное содержание наших законов, – для меня вторично, как отделка уже построенного дома. Я поддерживаю те или иные партии только исходя из потребностей страны... Если мы сначала построим прочный, защищенный снаружи и национально укрепленный изнутри дом, а потом вы меня спрашиваете, с большей или меньшей степенью либерализма мне этот дом обставить мебелью, то этот вопрос не вызывает у меня никаких затруднений – давайте свои предложения, у меня нет никакого собственного предвзятого мнения, если мой монарх их одобрит. Существует множество дорог, которые ведут в мир. Существуют времена, когда надо править диктаторскими методами, но здесь нет ничего постоянного. С созданием Германской империи и единой нации... я по-прежнему считаю национальную цель наиглавнейшей...» Споря сам с собой в разговоре с Вильгельмом II, тот же Бисмарк однажды заявил: «Это все разговоры о Германской империи. Попытайтесь сделать сильной Пруссию. Все равно, что будет с остальными».

Политика Бисмарка вплоть до 1890 г. была подчинена этим двум целям – с одной стороны, как канцлера единой Германской империи его главной задачей было преодоление центробежных тенденций, существующих в германском государстве и обществе. Наличие политических сил, которые сделали их своим кредо, являлось, по мысли политика, бомбой, которая могла разрушить построенное им здание. Второй, не менее важной для него задачей, была защита прусских интересов (экономических, политических и др.) внутри единого государства. Собственно именно этим целям должны были служить превентивные запретительно-карательные меры против католиков и польского национального меньшинства (Культуркампф), а также против укреплявшей свои позиции в немецком рабочем классе социал-демократии (введение Исключительного закона против социалистов). Обе эти силы в Германии были частями международных организаций (католической церкви и международного рабочего движения), поэтому для германских властей важен был и международный характер вопроса. Запретительные меры не привели к желательным результатам и даже стали одной из причин отставки первого имперского канцлера в 1890 г.

Иные же правительственные меры, на которые исследователи обращают меньше внимания, сделали для интеграции населения нового государства значительно больше – в 1870–1890-е годы были созданы общеимперские институты (например, Имперский банк, единая сеть железных дорог и т. д.), разработаны и приняты единые кодексы законов, Берлин превратился в имперскую столицу и подлинный центр власти, а Германия стала одной из ведущих держав континента, причем не только в политике, но, что более важно, и в экономике.

Важную роль в становлении германской нации играло постепенное усиление позиций рейхстага и политических партий. Этот процесс начался еще при Бисмарке, но особенно активно стал развиваться после его отставки. К 1890 г. противостояние политических сил, пользовавшихся поддержкой имперского канцлера (прежде всего консерваторов и частично национал-либералов) и его противников – в первую очередь социал-демократов, достигло высшей точки, что позволяет историкам говорить даже о формировании двух наций в Германии – нации «эксплуататоров» и нации «эксплуатируемых». Если отойти от риторики А. Бебеля, сложившееся социальное противостояние не давало сформироваться внутреннему единству общества (во время франко-прусской войны социал-демократы говорили о приоритете классового братства с французскими рабочими над идеями национальной войны).

Только постепенная интеграция рабочего класса и социал-демократии в общественную структуру и политическую систему позволили превратить рабочих из дезинтегрирующей силы в часть германской нации. Начало этому процессу было заложено введением социального страхования рабочих (1883–1889). Тем же целям служил и объявленный канцлером Л. фон Каприви (1890–1894) «новый курс», в рамках которого были декларированы «примирение» со всеми бывшими «врагами империи» и отказ от методов превентивной борьбы с ними. Расширение участия рейхстага как наиболее демократического органа (прямые всеобщие выборы, бюджетные полномочия, все большее влияние общественного мнения, связанное с развитием средств массовой информации) в управлении страной стало признаком постепенной демократизации всей государственной системы и завершением процесса становления государственной нации. Общественное согласие и практическая единодушная поддержка действий властей, с которыми страна подошла к августу 1914 г., окончательно доказали, что вековая мечта о подлинном единстве Германии была достигнута, однако противоречия, заложенные в ее систему (несоразмерно большая роль Пруссии в едином государстве, его федеральный характер, значительное немецкоязычное население, оставшееся за его пределами, превалирование исполнительной власти над всеми остальными ее ветвями, огромные полномочия, сосредоточенные по конституции в руках двух людей – императора и канцлера, и многое другое) стали причинами недолгого существования государства в том виде, как его создал О. фон Бисмарк.

В конце XIX – начале XX в. объединенная Германская империя являлась крупнейшим центральноевропейским государством во главе с императором, имперским канцлером и рейхстагом, депутаты которого избирались на основе прямых всеобщих выборов. Территория империи составляла 540 858 кв.км, население – 41 млн человек в 1871 г. и чуть менее – 65 млн в 1910 г. Сто-

лицей единой Германии был Берлин, что подчеркивало особую роль Пруссии в империи. Кардинально изменилось распределение населения между сельскими населенными пунктами и городами. В 1871 г. около 64% жили в населенных пунктах с населением до 2000 человек, только 5% в больших городах (свыше 100 тыс. чел.), в 1890 г. сельское и городское население сравнялось, в 1910 г. только 40% проживало в небольших населенных пунктах, а 21,3% – в больших городах. Эти демографические изменения стали следствием бурной индустриализации. В 1871 г. в сельском хозяйстве было занято 8,5 млн человек, а в промышленности, сфере обслуживания и транспорте – 5,3 млн, к 1910 г. пропорция изменилась: 10,5 млн в аграрном секторе; в промышленности, сфере обслуживания и транспорте – 13 млн. В конфессиональном отношении ситуация после объединения изменилась незначительно: 28 млн протестантов, 16 млн католиков, 561 тыс. иудеев. Германия была достаточно гомогенна в национальном отношении, однако на 42 млн немцев в 1880 г. приходилось примерно 3,25 млн национальных меньшинств (2,5 млн славян, 140 тыс. сорбов, 200 тыс. кашубов, 150 тыс. литовцев, 140 тыс. датчан и 280 тыс. французов), все они жили в основном в приграничных районах. К Первой мировой войне Германия подошла единой, мощной в экономическом отношении державой, имеющей колонии в Африке и Азии и чрезвычайно высокие показатели экономического роста.